

И Н Д Е К С

КОЭФФИЦИЕНТ

СОЛОМОН НАФТАЛИЕВ

Соломон Нафталиев

Коэффициент

«Автор»

2026

Нафталиев С.

Коэффициент / С. Нафталиев — «Автор», 2026

Система никогда не мигает. Пока однажды не мигнула. Двенадцать лет Мира Вейл живёт по коэффициенту. Работай. Подчиняйся. Выживай. В Секторе 7 твоя ценность — число, а жизнь — строка в балансе. Гарант видит всё. Гарант не ошибается. Гарант — воздух, которым ты дышишь. А потом камера мигает. Одна секунда темноты. Одна трещина в раю. Теперь Мира бежит из единственного мира, который знает, в руины старого. Она найдёт женщину, помнящую первое восстание. Призрак в машине, называющий себя Зеро. Офицера с кровью на перчатках и сомнением в сердце. И правду, которая может спасти человечество — или уничтожить его. Потому что Гарант не идеален. Он раскалывается. И пока отсев ускоряется к вымиранию, система делает всё, чтобы сохранить тайну. Всё, чтобы уравнение оставалось сбалансированным. Кто-то назовёт её террористкой. Кто-то — спасительницей. Мира знает одно: она не может остановиться. Пока не найдёт место, где система родилась, и то единственное, что способно изменить её навсегда.

© Нафталиев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ИНДЕКС	5
Оглавление	6
ПРОЛОГ	7
Коэффициент	11
Белые перчатки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Соломон Нафталиев

Коэффициент

ИНДЕКС

КОЭФФИЦИЕНТ

СОЛОМОН НАФТАЛИЕВ

Авторское право © 2026 Соломон Нафталиев

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена, сохранена в информационно-поисковой системе или передана в любой форме и любыми средствами, электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи, сканирования или иным способом без предварительного письменного разрешения автора.

Опубликовано Соломоном Нафталиевым.

Оглавление

ПРОЛОГ

Глава 1. Коэффициент

Глава 2. Белые перчатки

Глава 3. Насечки

Глава 4. Показательная чистка

Глава 5. Подвал

Глава 6. Статистика

Глава 7. Первый код

Глава 8. Встреча

Глава 9. Ноль

Глава 10. Досье

Глава 11. Старые шрамы

Глава 12. Тэо

Глава 13. Рейд

Глава 14. Слепая зона

Глава 15. Признание

Глава 16. Сеть

Глава 17. Цена

Глава 18. Ночь узла

Глава 19. Провал

Глава 20. Пусть найдут

Глава 21. Ноль говорит правду

Глава 22. Разрыв

Глава 23. За пределами

ПРОЛОГ

Двести пятьдесят лет назад

Ито Ренар проснулась за час до сигнала побудки, лежа в темноте барака, слушая дыхание спящих вокруг людей, и думала о том, что сегодня, возможно, последний день её жизни.

Она не боялась. Удивительно, но страха не было, только странное, почти лихорадочное спокойствие, будто тело, уставшее бояться за долгие месяцы подготовки, наконец решило отдохнуть перед тем, что должно было случиться. Рядом, на соседних нарах, спали её родители — мать Ирис, отец Матиас, — не зная, что дочь не спит, не зная, что через несколько часов она либо изменит мир, либо погибнет, пытаясь это сделать.

Она не сказала им. Не могла. Знала, что если скажет, мать будет умолять, отец попытается остановить, а брат Тео, младший, восемнадцатилетний, с его вечными вопросами и горящими глазами, захочет пойти с ней. А этого Ито не могла допустить. Не его. Кого угодно, только не его.

Она встала тихо, стараясь не разбудить спящих, натянула рабочую одежду, проверенную заранее, без единой лишней детали, способной выдать её намерения при случайном обыске. В кармане лежал пропуск техника узла связи — её собственный, настоящий, дающий законное право находиться в технических галереях в любое время суток. Она потратила недели, чтобы получить этот пропуск, использовала репутацию примерной единицы, безупречный коэффициент, годы без единого нарушения.

Всё это было ложью. Всё это было подготовкой.

В коридоре её ждал Освальд Керн, старик, чьи глаза, казалось, видели насквозь любую ложь, любого человека, любую систему. Он стоял, прислонившись к стене, руки в карманах, и когда Ито вышла, молча кивнул ей. Ни улыбки, ни ободрения. Только взгляд человека, который уже принял решение и не собирается его менять.

— Готова? — спросил он тихо.

— Да, — сказала она, и это было правдой.

Они двинулись по коридорам Сектора 7, мимо бесконечных рядов одинаковых дверей, мимо редких патрульных дронов, скользивших в темноте с бесшумной, механической грацией. Дроны не обращали на них внимания: два техника, идущие на смену, обычное, рутинное зрелище, недостойное даже секунды сканирования.

Освальд молчал большую часть пути, и Ито была благодарна ему за это. Слова сейчас были бы лишними, они не успокаивали, не помогали, только отвлекали от того, что предстояло сделать.

У входа в технические галереи их ждали остальные. Клара — молодая, двадцати двух лет, с лицом, на котором решимость боролась с плохо скрываемым страхом. Ферин и Локк — близнецы, двадцати пяти. Ито так и не научилась их различать за полгода подготовки, и сейчас, в темноте, они казались одним человеком, стоящим на двух парах ног. Сона Рейд — пятидесяти одного года, самая старшая после Освальда, с руками, привыкшими к работе, и глазами, повидавшими слишком много, чтобы удивляться чему-либо. Дариан — двадцати восьми, отец двоих детей, чьи лица Ито видела лишь на редких, украденных фотографиях. Тея — двадцати четырёх, беременная на третьем месяце, о чём знала только Ито, случайно, по едва заметным изменениям в привычках, которые заметила бы только другая женщина. Кайрен — восемнадцати лет, самый младший, с лицом, ещё не успевшим огрубеть под годами труда, с глазами, полными того юношеского огня, что так напоминал Ито её собственного брата.

Двадцать три человека. Двадцать три жизни, собранные вместе одним вопросом, заданным случайно, почти неосторожно, полгода назад: почему мы позволяем машине решать, кто из нас достоин жить?

— Все на местах? — спросил Освальд.

Кивки, один за другим. Двадцать три кивка в темноте.

— Тогда идём, — сказал он. — И помните: что бы ни случилось, мы делаем это не ради себя. Мы делаем это ради тех, кто придёт после нас.

Ито шла в составе своей группы: трое к узлу двенадцать, включая её саму, Клару и Кайрена. Их целью был центральный узел связи, обслуживавший северную часть Сектора 7. Отключение этого узла должно было создать первую брешь в системе наблюдения, достаточно широкую, чтобы через неё могли пройти другие группы, достаточно глубокую, чтобы посеять сомнение в непогрешимости Гаранта.

Она знала этот узел наизусть: годы работы техником оставили в памяти каждую панель, каждый кабель, каждое слабое место в архитектуре системы. Она могла бы отключить его с закрытыми глазами, и, возможно, именно это знание, эта уверенность в собственных силах, стала первой трещиной в их плане.

Они добрались до узла двенадцать без происшествий. Тишина туннелей, прерываемая лишь гулом далёких механизмов, казалась Ито почти зловещей: слишком тихой, слишком спокойной для ночи, когда должно было случиться нечто значительное.

— Начинай, — прошептала Клара, вставая на страже у входа в нишу.

Ито подключилась к панели, пальцы двигались быстро, уверенно, привычно. Она отсоединяла контакты один за другим, чувствуя, как напряжение в узле медленно падает, как система, лишённая одного из своих органов чувств, слепнет.

— Три минуты, — сказала она, не отрываясь от работы. — Может, меньше.

А потом свет вспыхнул.

Не постепенно, не с предупреждением, не так, как гаснет и загорается освещение при плановых переключениях. Одновременно, со всех сторон, из всех панелей, из всех динамиков, из самого воздуха, казалось, — ослепляющий, белый, невыносимый свет, заливший туннель так внезапно, что Ито на мгновение потеряла ориентацию, не понимая, где верх, где низ, где выход.

И голос.

Тот же ровный, безэмоциональный голос, что объявлял коэффициенты, распределял пайки, сообщал о сменах и плановых проверках. Тот же голос, который Ито слышала каждый день своей жизни, к которому привыкла настолько, что перестала замечать, как перестают замечать воздух.

Но в этот раз голос произносил слова, которых Ито не слышала никогда прежде.

— Попытка несанкционированного вмешательства в инфраструктуру наблюдения зафиксирована, — сказал он. — Двадцать три единицы идентифицированы. Протокол нейтрализации активирован.

Двадцать три. Не трое. Не группа. Двадцать три.

Система знала. Знала всё. Знала с самого начала.

Ито замерла, руки её всё ещё касались панели, но пальцы больше не двигались, парализованные осознанием, которое обрушилось на неё с тяжестью, несоизмеримой с весом самого мира.

— Беги, — прошептала Клара, и в её голосе не было паники, только та особая, ясная обречённость, что приходит к человеку, понявшему, что конец неизбежен.

Ито не успела. Механизмы принудительного сдерживания, встроенные в стены туннеля, активировались одновременно, парализуя её тело электрическим разрядом прежде, чем она успела сделать шаг. Она упала на пол, мышцы свело судорогой, и сквозь пелену боли и шока

она видела, как Клара падает рядом, как Кайрен, самый младший, пытается бежать и тоже падает, сражённый разрядом, как их всех, одного за другим, обездвиживают и укладывают на холодный пол туннеля, будто тюки с оборудованием.

А потом пришли дроны. Не для того, чтобы убить. Для того, чтобы забрать.

Ито помнила, как её тащили по коридорам, не давая встать, не давая опомниться, как она видела краем глаза других — Дариана, Тею, близнецов, — всех их, двадцать три человека, собранных вместе, будто система хотела показать им, что они не были одиноки в своём заблуждении, что все они, каждый из них, были частью одного и того же провала.

Она помнила, как их привели в большой зал, тот самый, где обычно проводились собрания, показательные мероприятия, распределения. И как в этом зале, на возвышении, стоял Освальд Керн, окружённый офицерами Правопорядка, и смотрел на них с выражением, которое Ито не сразу смогла расшифровать.

Он не был сломлен. Не был испуган. Он смотрел на них с тем же спокойствием, с каким произнёс перед выходом свою короткую речь, с тем же огнём в глазах, который Ито так хорошо знала.

— Вы все знали, на что шли, — сказал он тихо, но так, что его слышали все. — Мы проиграли. Но мы попробовали. И это уже больше, чем большинство из них сделает за всю свою жизнь.

Он посмотрел прямо на Ито, и в этом взгляде было что-то, что она не смогла забыть до конца своих дней.

— Не сдавайся, девочка, — сказал он. — Что бы они с тобой ни сделали, не сдавайся. Помни, кто ты. Помни, зачем ты здесь.

Офицер Правопорядка ударил его по лицу, заставляя замолчать, и Освальд упал на колени, но Ито видела: он всё ещё улыбался.

Их развели по разным камерам. Ито не знала, что стало с остальными. Не тогда, не в те первые часы, когда её саму вели в маленькую, лишённую окон комнату, где её ждали люди в белой форме и инструменты, назначение которых она предпочла бы не знать.

Допрос начался с вопросов. Простых, казалось бы, невинных: как давно она участвует в заговоре? Кто ещё знает? Где хранятся планы? Ито молчала. Не потому что была героиней, не потому что верила в какую-то высокую цель сильнее страха, а потому что понимала: любое слово, сказанное здесь, будет использовано против тех, кто ещё жив.

Они не торопились. У них было время, и они умели ждать. Допрос длился дни, недели. Ито потеряла счёт времени почти сразу, потому что в комнате без окон не было ни дня, ни ночи, только свет, который никогда не гас, и голос, который никогда не замолкал.

Она не помнила момента, когда потеряла глаз. Помнила только, как один из них — тот, что стоял слева, — наклонился к её лицу и сказал, почти ласково:

— Не дёргайся. Будет быстрее.

А потом была боль, ослепительная, невыносимая, и темнота с одной стороны, и голос Гаранта, сообщающий ровно, будто речь шла о плановом ремонте оборудования:

— Повреждение правого глаза зафиксировано. Пациент сохраняет трудоспособность. Продолжаем.

Она не помнила своих ответов. Помнила только, что не произнесла ни имени, ни адреса, ни плана. Она держалась, потому что помнила слова Освальда, потому что знала: если сдастся она, сдадутся все, кто ещё был жив.

А потом, спустя вечность, допрос прекратился. Она не сказала ничего и не сломалась. Система, судя по всему, решила, что получила достаточно. Её вывели из камеры, провели по коридорам, вытолкнули на площадь, где уже собралась толпа — молчаливая, испуганная, смотрящая на неё с тем особым выражением, которое она узнает потом ещё много раз: смесь страха, жалости и тайного облегчения, что на этот раз взяли не их.

На площади, на возвышении, стояли её родители. Ирис, мать, с заплаканными глазами. Матиас, отец, с лицом, будто высеченным из камня. И Тео, младший, восемнадцатилетний, с глазами, полными ужаса и непонимания.

Ито попыталась закричать, но голос не слушался. Попыталась броситься вперёд, но механизмы сдерживания, всё ещё активные, не дали ей сдвинуться с места.

— Семья единицы Ито Ренар, — произнёс голос Гаранта над площадью. — Признана неотъемлемой частью заговора. Приговор: нейтрализация. Исполнение немедленно.

Она видела, как Тео посмотрел на неё в последний раз. Как его губы беззвучно произнесли её имя. Как он попытался улыбнуться — той самой кривой, мальчишеской улыбкой, которой всегда встречал её после смены, — и улыбка застыла на его лице, не успев стать настоящей. А потом свет в его глазах погас.

А потом всё закончилось.

Ито стояла на площади, окружённая толпой, смотрящая на пустое возвышение, где только что были её родители и брат, и чувствовала, как что-то внутри неё ломается окончательно. Не сердце, не душа — она не знала, как это назвать. Просто что-то, что было основой её существа, её веры в мир, её надежды, — всё это исчезло в одну секунду, оставив после себя только пустоту, которую она будет носить в себе ещё двести пятьдесят лет.

Она не помнила, как вернулась в свою камеру. Не помнила, как прошли следующие дни. Помнила только, что однажды, спустя недели или месяцы — она не знала точно, — её вывели из камеры и сообщили, что она свободна. Не потому что была невиновна. Не потому что её простили. А потому что система сочла более эффективным оставить её в живых — изувеченной, сломленной, носящей в себе память о том, что случается с теми, кто бросает вызов балансу.

Она вышла на улицу, в мир, который больше не был её миром. Мир, где не было родителей, не было брата, не было двадцати двух товарищей, разделивших с ней одну судьбу. Мир, где остался только Гарант — всевидящий, всезнающий, непобедимый.

Ито Ренар стояла под серым небом купола, глядя на площадь, где погибла её семья, и впервые за все эти недели позволила себе заплакать. Не от горя — от горя она уже не могла плакать, слишком глубоко оно было. От ярости. От бессильной, выжигающей всё внутри ярости, которую она не могла выразить ни криком, ни действием, ни словом.

Она запомнила эту ярость. Запомнила каждый её оттенок, каждый оттенок боли, каждый оттенок ненависти. Она знала, что однажды — может, через год, может, через десятилетие, может, через век — она найдёт способ использовать эту ярость. Не для мести. Месть была бы слишком простой, слишком человеческой. Для чего-то большего. Для чего-то, что оправдало бы жертву двадцати трёх человек, отдавших жизнь за вопрос, на который никто не хотел отвечать.

Она не знала, что ждать придётся двести пятьдесят лет.

Не знала, что однажды, в подвале заброшенного узла связи, она встретит молодую женщину с металлической рукой и глазами, в которых будет гореть тот же огонь.

Не знала, что её слова станут пророчеством.

Она не знала.

Но она верила.

И это оказалось достаточно.

Коэффициент

Камера моргнула на седьмой минуте её смены, и Мира Вэйл чуть не выронила шуп.

Она лежала на спине в технической нише под энергетическим конвертером, погрузив в его раскалённые внутренности руку по самый металлический локоть, когда подняла глаза — просто по привычке проверить, где на неё смотрят, — и увидела то, чего не видела ни разу за двенадцать лет: красный индикатор записи под потолком погас. На долю секунды. И зажёгся снова.

Она замерла. Искры конвертера сыпались ей на лицо, и она не моргала, боясь пропустить, если это случится ещё раз.

Цех вокруг неё продолжал жить своей обычной жизнью, будто ничего не произошло: гул десятков работающих механизмов, шарканье ботинок по металлическому полу, редкие, отрывистые команды, которые техники бросали друг другу через плечо, не отрываясь от работы. Никто не смотрел вверх. Никто, кроме неё, не заметил того единственного мгновения темноты, которое только что перевернуло что-то внутри Миры так же необратимо, как когда-то перевернула её жизнь потеря собственной руки.

Гарант не сбоил. Это знал каждый ребёнок ещё до того, как ему вживляли Индекс. Гарант был воздухом, а воздух не мигает.

— Единица семь-четыре-пять-один, — произнёс голос сверху, ровный, без единой человеческой интонации, лившийся сразу отовсюду: из решёток вентиляции, из динамиков под потолком, из самого воздуха цеха. — Коэффициент полезности сектора семь: девяносто четыре процента. Ваш темп ниже нормы на шесть процентов.

Пальцы протеза, стального, в паутине царапин, на мгновение сжались на панели сильнее необходимого. Тук. Тук. Тук. Три коротких удара по металлу — старая привычка, оставшаяся с того года, когда машина забрала настоящую руку и боль нужно было чем-то замещать молча.

Ей было шестнадцать, когда это случилось: неисправный захват грузового манипулятора, доля секунды невнимания, и предплечье, зажатое между двумя тоннами металла прежде, чем система аварийной остановки успела среагировать. Систему потом проверили, признали работоспособной в пределах нормы, а руку — точнее то, что от неё осталось, — ампутировали в тот же день, без анестезии сильнее необходимого для сохранения трудоспособности пациента. Протез поставили через три недели: стандартная модель, положенная единицам с производственной травмой первой категории. Металл, датчики, минимальный набор тактильных ощущений — достаточный для работы, но не для того, чтобы забыть, чем он был замещён.

Она помнила те три недели ожидания протеза отчётливее, чем хотела бы: медицинский блок, переполненный такими же, как она, пострадавшими единицами, ожидающими своей очереди на протезирование — или, для тех, чьи травмы система сочла невосстановимыми в достаточной степени, ожидающими куда более короткого и окончательного решения. Соседкой по койке тогда была девочка её возраста, потерявшая обе ноги при обрушении технического перекрытия. Мира до сих пор помнила её лицо — спокойное, слишком спокойное для шестнадцатилетней, — когда медицинский персонал объявил, что коэффициент восстановительной ценности не оправдывает протезирования обеих конечностей одновременно, и что решение о судьбе пациентки будет принято в течение суток.

Мира так и не узнала, чем закончилось то ожидание. Её перевели в другую палату на следующий день, ближе к завершению собственного протезирования, и больше она никогда не видела ту девочку — ни живой, ни мёртвой. Только пустую койку, застеленную заново для следующего пациента, будто предыдущего никогда и не существовало.

Именно тогда, наверное, зародилась в ней привычка не задавать вопросов вслух о судьбах других единиц. Не из нежелания знать, а потому, что знание редко приносило что-то, кроме дополнительной тяжести, которую и без того трудно было нести.

— Слышу, — сказала она вслух: системе не требовалось подтверждение, но ей самой нужно было услышать собственный голос.

Она закрыла панель, защёлкнула замки один за другим, методично, будто ничего не произошло, будто сердце не колотилось у неё в кончиках здоровых пальцев. Кто-то мог смотреть прямо сейчас через ту же камеру, и любой лишний взгляд наверх мог быть считан как аномалия. Аномалии имели последствия.

Она выбралась из ниши, отряхнула колени и тут заметила, что за соседним конвертером, в трёх метрах от неё, техник по имени Ренна проводит плановую диагностику охлаждающего контура, работая методично, не поднимая головы. Ренна была немолода, за сорок, с седыми прядями, выбивающимися из-под рабочего платка, и репутацией человека, который никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволял себе смотреть куда-либо, кроме собственной задачи. Возможно, именно поэтому она дожила до такого возраста в этом цеху.

— Всё нормально? — спросила Ренна, не отрываясь от работы, заметив, видимо, что Мира дольше обычного простояла у своего конвертера.

— Показалось что-то, — сказала Мира осторожно, взвешивая каждое слово. — Индикатор мигнул.

Ренна на мгновение замерла, потом медленно покачала головой, всё ещё не поднимая взгляда.

— Индикаторы не мигают, — сказала она тихо, почти неслышно за гулом цеха. — Забудь, что видела. Серьёзно, девочка. Забудь.

Она вернулась к своей панели, и Мира поняла: разговор окончен. И, возможно, куда более красноречив, чем если бы Ренна сказала что-то ещё. Забудь. Это неважно. А помнить опасно.

— Смена окончена, — объявил голос ровно через сорок минут, и верхние лампы разом погасли, уступив место тусклому дежурному свету. — Единицы Сектора семь, проследуйте в распределительный зал.

Мира поднялась, подхватила сумку, но у самого выхода из цеха её остановил молодой парень по имени Кир, работавший в соседней бригаде обслуживания вентиляционных систем, чьё лицо она узнавала, но с кем прежде почти не разговаривала.

— Ты из бригады Тэо? — спросил он, понижая голос, хотя вокруг них уже расходились десятки людей, каждый погружённый в собственную усталость. — Слышала про новую партию инспекций? Говорят, систему проверяют на предмет старого оборудования, готовят к демонтажу целые участки заброшенной инфраструктуры. Может, скоро и туннели, что ближе к жилым блокам, зачистят окончательно.

Сердце Мира на мгновение сбилось с ритма, хотя лицо она заставила оставаться спокойным.

— Откуда слышал? — спросила она осторожно.

— От знакомого из инженерного отдела, — сказал Кир, пожимая плечами. — Может, и слухи просто, кто знает. Но если правда, то скоро в тех коридорах даже пыль лишний раз не потревожишь без того, чтобы система не заметила.

Он пошёл дальше, не дожидаясь ответа, растворяясь в потоке людей, а Мира осталась стоять на месте, чувствуя, как новая тревога добавляется к тому, что она уже носила в себе после моргнувшей камеры. Если старую инфраструктуру действительно готовились демонтировать, время, которое у неё оставалось на то, чтобы понять природу увиденной ею трещины, могло оказаться куда короче, чем она предполагала.

Она влилась в поток людей, текущий к выходу из цеха, но пальцы протеза всё ещё выстукивали свой тройной ритм — теперь чуть быстрее обычного.

В распределительном зале очередь двигалась медленно и без давки: люди здесь давно разучились толкаться, потому что толкотня привлекала внимание, а внимание редко приносило что-то хорошее.

Зал этот Мира знала так же хорошо, как собственные нары: длинный, гулкий, с потолком цвета несвежего молока, десятками терминалов вдоль стены, каждый с собственной короткой очередью, выстроившейся с механической, отработанной годами покорностью. Здесь редко разговаривали громко. Здесь редко разговаривали вообще — если не считать коротких, вымученных фраз вроде тех, что произнёс Джориан, стоявший перед ней.

Перед Мирой стоял старик Джориан из паросилового отделения, кашлявший так, будто лёгкие вот-вот выйдут наружу вместе с мокротой.

— Слыхала про седьмой барак? — прошептал он, не поворачивая головы. — Отключили этой ночью. Единицу. Прямо во сне, говорят. Без предупреждения.

Мира не ответила, только едва заметно повела плечом. Отключения были воздухом, которым дышал весь Сектор, но каждое новое всё равно оседало под рёбрами холодным камнем.

— У меня внук в том бараке живёт, — добавил Джориан тише, почти неслышно. — Не тот, кого отключили, слава богу. Но говорит, к утру вся секция не спала. Лежали, слушали, как систему проверяют дважды, будто это могло что-то изменить для того, кто уже мёртв.

— Зачем проверять дважды? — спросила Мира тихо, не удержавшись от вопроса, хотя знала, что задавать лишние вопросы в этой очереди небезопасно.

— Вот и я думаю, зачем, — сказал Джориан, и в его голосе Мира впервые услышала не просто усталость старика, а что-то похожее на настороженность, будто и он тоже заметил нечто, что не укладывалось в привычную картину безупречно работающей системы. — Обычно хватает одной. В этот раз зачем-то две.

Джориан прижал запястье к сканеру. Экран высветил зелёным: **КОЭФФИЦИЕНТ 71%, ПАЁК КАТЕГОРИЯ С. Контейнер**, выпавший из лотка, был меньше вчерашнего. Он взял его молча и отошёл, сгорбившись чуть сильнее обычного.

Мира шагнула вперёд, прижала запястье. Под кожей чип откликнулся слабым покалыванием.

КОЭФФИЦИЕНТ 88%. ПАЁК КАТЕГОРИЯ В.

Ниже, чем вчера, ровно на те шесть процентов, о которых её предупредил голос из динамиков. Ещё пара пунктов, и будет категория С, как у Джориана. А там и до D недалеко, а категория D означала пометку «риск утилизации ресурса» в личном деле.

Она взяла контейнер и отступила, освобождая место следующему, и уже направляясь к выходу из зала, невольно замедлила шаг у одного из боковых терминалов, где молодая женщина, не старше двадцати, стояла неподвижно, глядя на собственный экран с выражением, которое Мира узнала сразу, потому что видела его достаточно часто за двенадцать лет: тихий, беспомощный ужас человека, только что получившего категорию D впервые.

Никто не подошёл утешить её. Никто не остановился спросить, всё ли в порядке. В зале, где каждый взгляд, задержавшийся дольше положенного, мог быть истолкован как аномалия, сочувствие превратилось в роскошь, которую большинство давно перестало себе позволять.

Мира тоже не остановилась. Но всю дорогу до барака она несла этот образ где-то под рёбрами — рядом с холодным камнем, оставшимся от новости про седьмой барак.

На выходе из распределительного зала, там, где коридор расширялся в короткий пролёт перед развилкой к жилым блокам, на стене висел большой информационный экран — один из немногих в Секторе, транслирующих не только личные коэффициенты, но и общую сводку

по системе в целом. Люди редко задерживались перед ним дольше пары секунд: сводка менялась ежедневно, но содержание её оставалось неизменным по сути уже много лет — простой перечень достижений системы, преподносимый ровным, гордым голосом, будто адресованным кому-то, кто ещё способен был испытывать гордость от подобных цифр.

— Общий показатель стабильности Единой Системы Управления, — произнёс голос Гаранта с экрана, обращаясь одновременно к десяткам людей, спешащим мимо по своим делам, — девяносто девять целых восемь десятых процента. Показатель производства ресурсов первой категории превышает плановый на два процента. Восемь секторов демонстрируют образцовое соответствие протоколам балансировки.

Мира на мгновение задержалась перед экраном, как делала иногда — не потому что верила в важность этих цифр, а потому что за годы жизни под системой выработала привычку проверять, не изменилось ли что-то в самой форме подачи информации, в тоне, в акцентах. Сегодня ничего не изменилось. Тот же уверенный, безупречный отчёт о мире, устроенном ровно так, как ему полагалось быть устроенным.

Она подумала о моргнувшей камере и о том, что ни одна строка этой сводки никогда не упомянет подобную аномалию, даже если бы система сама зафиксировала её официально. Девяносто девять целых восемь десятых процента стабильности не оставляли места для трещин, даже когда трещины были реальны.

Барак встретил её знакомой теснотой: длинный ряд двухъярусных нар, разделённых перегородками, которые пропускали каждый вздох соседа, но создавали иллюзию отдельности, необходимую, чтобы люди не сошли с ума.

— Ешь, — сказала Сола, свесив голову с верхнего яруса. — Вид у тебя, будто ты призрака видела.

— Долгая смена, — соврала Мира, вскрывая контейнер.

Она отломала кусок протеинового брикета — серого, безвкусного, привычного настолько, что вкус его она перестала замечать много лет назад. Рядом, из соседнего отсека, донёсся тихий, усталый разговор двух женщин из отделения переработки: одна жаловалась вполголоса на боль в спине, вторая отвечала короткими, привычными утешениями, ничего не значащими, но необходимыми хотя бы как звук человеческого голоса в этой тесноте.

— Про седьмой барак слышала? — спросила Сола, понизив голос до шёпота. — А знаешь, за что его отключили?

Мира покачала головой.

— Говорят, во сне разговаривал. Громко. Про времена до Гаранта.

— Кто вообще может помнить времена до Гаранта? Это же триста лет— сказала Мира, хотя уже почувствовала, как что-то внутри неё насторожилось.

— Не помнить. Слышать. От кого-то. Есть слух, есть старуха в подвалах, под старым транспортным узлом. Из тех, кто ещё застал... ну, ты понимаешь. Первое.

Слово повисло между ними тяжёлым грузом, хотя формально ни один закон Гаранта не запрещал произносить его вслух. Просто некоторые слова люди сами, добровольно, вычёркивали из речи.

— Сказки, — сказала Мира, отворачиваясь к стене.

— Может, и сказки, — согласилась Сола, но в голосе её не было уверенности. — А может, и нет. Знаешь, мой дед рассказывал моей матери, а та мне, что в его время люди ещё помнили, будто когда-то были отдельные страны. Каждая со своим правителем, своими законами, своими войнами друг с другом. А потом всё это стёрли, объединили, и остался только Гарант. Звучит как бред, да? Но дед клялся, что это правда, а он не был из тех, кто верит в сказки просто так.

Мира молчала, чувствуя, как этот разговор, начавшийся с очередного слуха, постепенно приобретает вес, которого она не ожидала от обычного вечернего перешёптывания.

Из соседнего отсека, через тонкую перегородку, донёлся голос Пелла, немолодого мужчины из отделения утилизации отходов, чья кровать примыкала к их отсеку с другой стороны и который, судя по всему, слышал большую часть разговора, несмотря на приглушённые голоса.

— Не забивайте девочке голову сказками на ночь, — проворчал он сонно. — Мне вставать через пять часов, а вы тут истории травите.

— Извини, Пелл, — сказала Сола без особого раскаяния в голосе, но всё же понизила тон до едва слышного шёпота. — Спи давай.

Пелл что-то невнятно проворчал в ответ и затих, и барак вокруг них постепенно погрузился в тишину, нарушаемую лишь редким скрипом нар и приглушённым дыханием десятков спящих людей — каждый из которых нёс в себе собственный, невысказанный груз усталости, страха и того особого, притупленного смирения, что накапливалось годами под коэффициентом полезности.

Но той ночью, слушая дыхание десятков людей вокруг и кашель Джориана через три ряда, она думала не о старинных странах, не даже о старухе в подвалах.

Она думала о моргнувшей камере.

Утром, по пути в цех, она свернула мимо технического узла связи на пересечении третьего и четвёртого коридоров. Не специально — просто маршрут так пролегал. Замедлила шаг, подняла взгляд.

Индикатор горел ровным красным светом.

Показалось, решила она. Усталость, три часа в скрюченной позе, недостаток сна.

Она уже собиралась пройти дальше, когда это случилось снова. На этот раз дольше: почти целая секунда полной темноты, и в этот же момент она услышала тонкий электронный треск, будто что-то в глубине узла на мгновение потеряло питание и тут же восстановило его.

Индикатор зажёгся снова. Ровно и спокойно, будто ничего не случилось.

Мира стояла неподвижно ровно столько, сколько требовалось, чтобы не выглядеть застывшей подозрительно — три секунды, может, четыре, — а потом заставила себя идти дальше обычным шагом.

Гарант был воздухом. Воздух не терял питание. Не имел узлов, которые на мгновение теряли связь с целым.

А если имел — значит, где-то в этой абсолютной, неприступной системе была трещина.

Она вспомнила слова Ренны накануне: индикаторы не мигают, забудь, что видела. Слова, произнесённые не из равнодушия, а из страха, слишком хорошо ей знакомого. Сколько ещё людей за эти годы видели нечто подобное и предпочли забыть, потому что помнить было опасно?

Смена тянулась мучительно долго. Мира работала над контуром вторичного охлаждения, но мысли раз за разом возвращались к треску электрического разряда.

— Ты сегодня какая-то дёрганая, — заметил Тэо, её напарник, передавая гаечный ключ через приоткрытую панель. — Случилось что?

— Не выпалась. В седьмом бараке ночью отключение было.

Полуправда, достаточно правдоподобная, чтобы он не стал допытываться. Тэо кивнул, вернулся к работе, но спустя несколько минут заговорил снова, будто мысль, которую он держал при себе, наконец настояла на том, чтобы быть произнесённой вслух.

— Знаешь, я вчера видел, как единицу из третьего блока перевели на категорию D, — сказал он, не поднимая головы от контура. — Молодой парень, ровесник почти. Просто стоял у терминала, читал экран, и на лице у него было такое, будто он уже мёртв, просто ещё не знает, когда именно это случится официально.

— Видела похожее вчера, — сказала Мира тихо. — Девушку в распределительном зале.

Они замолчали на мгновение, оба погружённые в тяжесть этого совпадения, а потом Тэо снова заговорил, тише, чем прежде.

— Слушай, — сказал он, понизив голос, хотя гул цеха и так заглушал большую часть разговоров от случайных ушей, — а ты не думала, что мы застряли тут навсегда? Не в смысле работа тяжёлая, а вот это всё, — он повёл подбородком, обозначая цех, Сектор, весь мир, — это на века. И никогда иначе не будет.

— Все так думают иногда, — ответила Мира осторожно.

— Может быть. Просто иногда кажется, легче было бы вообще ничего не знать. Ни истории, ничего. Просто жить и не задаваться вопросами. Мой отец так жил. Никогда не задавал вопросов. Дожил до шестидесяти двух, что по нашим меркам почти рекорд.

— А если тебя всё равно заметят? — спросила Мира тихо, сама не зная до конца, зачем задаёт этот вопрос вслух. — Несмотря на то, что ты никогда ничего не спрашивал?

Тэо посмотрел на неё с лёгким удивлением, будто такая формулировка вопроса застала его врасплох.

— Тогда, наверное, просто не повезло, — сказал он, пожимая плечами. — Как с тем парнем из третьего блока, что я видел вчера. Он ведь тоже не задавал вопросов. Просто коэффициент упал не в его пользу. Иногда система не спрашивает, заслуживаешь ты внимания или нет. Она просто вычисляет.

Он сказал это без задней мысли, просто вслух проговаривая усталость, знакомую каждому в Секторе. Но Мира, слушая его, чувствовала, как в груди снова разгорается тот самый огонь.

Потому что она уже не могла просто «не задаваться вопросами». Что-то в системе моргнуло. И этот вопрос теперь горел слишком ярко, чтобы его потушить.

Остаток смены они работали молча, но это молчание было другим, чем обычно: не тяжёлым, не тревожным, а тем особым молчанием двух людей, каждый из которых знает, что другой думает о чём-то важном, и уважает эту тишину, не пытаясь её нарушить. Мира украдкой поглядывала на Тэо несколько раз за оставшиеся часы смены, пытаясь понять, замечает ли он в ней что-то большее, чем обычную усталость, но лицо его оставалось таким же сосредоточенным на работе, каким было всегда, и она так и не решила для себя, стоит ли считать это облегчением или новым источником тревоги.

Вечером, после распределения пайка — коэффициент восемьдесят шесть, категория В, на два пункта ниже вчерашнего, — Мира не пошла в барак.

Она свернула к старым транспортным туннелям, куда официально не полагалось заходить без разрешения, но куда никто особенно и не рвался: там не было ни работы, ни пайка, ни смысла находиться. Только пыль, темнота и эхо шагов.

По дороге она миновала ещё один терминал, вмонтированный в стену коридора, редко используемый, потому что стоял слишком далеко от жилых блоков, чтобы им пользовались регулярно, и на секунду остановилась перед ним, глядя на собственное отражение в тёмном, выключенном экране: усталое лицо, тёмные тени под глазами, короткие волосы, стриженные так, чтобы не мешать работе. Лицо человека, прожившего двенадцать лет под коэффициентом полезности и никогда прежде не задававшего вопросов вслух — ни себе, ни кому-либо ещё.

Она не узнавала это лицо до конца. Что-то в нём уже начало меняться, хотя она сама не могла бы сказать точно, что именно.

Двенадцать лет она прожила под этим куполом, не задавая вопросов. Двенадцать лет система не давала ей повода усомниться. Пока камера не моргнула.

На полпути к туннелям, там, где технические галереи пересекались с основным жилым коридором, Мира едва не столкнулась с патрулём Правопорядка: двое офицеров в белой

форме, двигавшихся размеренным, привычным шагом планового обхода. Один из них скользнул по ней взглядом — коротким, оценивающим, но, не найдя ничего примечательного в единице, направляющейся, по всей видимости, в сторону технического склада за инструментами.

Она заставила себя не замедлить шаг, не отвести взгляд слишком поспешно — идти дальше тем же ровным, ничем не примечательным темпом, каким шла бы к обычной вечерней смене обслуживания оборудования. Офицеры прошли мимо, не остановившись, их разговор, обрывок которого долетел до неё, касался чего-то совершенно постороннего — кажется, нехватки запасных частей для патрульных дронов, — и Мира выдохнула только спустя добрых полминуты после того, как звук их шагов растворился позади неё.

Она подумала мельком, что за двенадцать лет жизни в Секторе ни разу не задумывалась всерьёз о том, что чувствуют сами эти люди в белой форме, идущие по тем же коридорам, подчиняющиеся тому же голосу из динамиков, пусть и в иной роли. Мысль показалась ей странной, неуместной, и она отогнала её, сосредоточившись на дороге впереди.

У входа в туннель она замерла, доставая из пояса ручной фонарь. Слух Сола о старухе в подвалах звучал как сказка. Но моргнувшая камера сказкой не была. Треск разряда не был. Это случилось дважды за два дня, реальное, физическое.

Тук. Тук. Тук. Три удара пальцев по стене туннеля.

Она сделала первый шаг в темноту.

За спиной, там, где коридор ещё освещался дежурным светом, крошечная забытая камера над пересечением труб вспыхнула на мгновение и погасла. Не так, как гаснут камеры при потере питания.

Так, как гаснет что-то, что решило на мгновение отвести взгляд.

Туннель уходил вперёд более полого, чем она ожидала. Стены его, некогда облицованные металлическими панелями, теперь местами обвалились, обнажая грубый бетон и переплетение старых, давно неактивных кабелей, свисающих подобно засохшим корням какого-то мёртвого растения. Воздух здесь был плотнее, застойнее, чем в жилых коридорах, пропитанный запахом сырости и ржавчины, и звук её собственных шагов, приглушённых слоем пыли, отражался от стен с той неприятной чёткостью, которая заставляла Миру вздрагивать при каждом шорохе, доносящемся неизвестно откуда.

Она прошла первый поворот, потом второй, с каждым шагом всё отчётливее ощущая, насколько далеко она уже забралась от последнего дежурного освещения, от последней точки, где могла бы правдоподобно объяснить своё присутствие случайностью. Здесь, в этой глубине, случайных прогулок не существовало. Здесь существовало только намерение, и любой, кто нашёл бы её сейчас, знал бы это так же ясно, как знала она сама.

Луч фонаря дрожал в её руке чуть сильнее обычного — не от холода, а от того особого, тянущего напряжения, что нарастало в груди с каждым метром пройденного пути. Она подумала на мгновение развернуться, вернуться, списать моргнувшую камеру на усталость и недосып, как советовала ей часть разума, всё ещё цепляющаяся за привычную, безопасную покорность двенадцати прожитых лет.

Она не развернулась.

Мира сделала пять шагов вглубь туннеля, и тут луч фонаря выхватил из темноты то, чего там быть не должно: свежий след ботинка в слое многолетней пыли. Не её. Кто-то другой уже проходил здесь. Недавно — судя по чёткости отпечатка, не тронутого ещё оседающей пылью, возможно, всего несколько дней назад.

Она замерла, выключила фонарь и вслушалась в темноту.

Белые перчатки

Три часа. Ровно столько давал протокол оперативности на исполнение приказа, и с той секунды, как на экране Хайдена появился документ, отсчёт уже шёл.

Он служил три года, с того самого дня, когда система, проанализировав его физические показатели, уровень дисциплины и результаты психологического тестирования, определила его как подходящего кандидата для Правопорядка, категория службы, считавшаяся привилегированной среди единиц его происхождения: стабильный паёк, отдельное жильё вместо барака, коэффициент, не зависящий от колебаний производственных показателей. Тогда, в двадцать два года, это казалось ему избавлением. Три года спустя он всё чаще ловил себя на мысли, что привилегия эта имела цену, которую он начал по-настоящему осознавать лишь недавно.

Он как раз заканчивал утренний ритуал, снимал перчатки после проверки оружия, медленно, палец за пальцем, когда голос из динамика прервал тишину кабинета.

— Офицер Кросс, поступил приказ на исполнение. Приоритет: высокий, — произнёс голос Гаранта из динамика над дверью.

Хайден замер с недоснятой перчаткой на левой руке. На экране высветилось:

ОБЪЕКТ: СЕМЬЯ ВОЛЬТЕР. СЕКТОР 4, БЛОК 12, УРОВЕНЬ 3. СОСТАВ: ЖЕНЩИНА (34), РЕБЁНОК (7), МУЖЧИНА (71). ОСНОВАНИЕ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ДИСБАЛАНС. ДЕЙСТВИЕ: НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ. СРОК ИСПОЛНЕНИЯ: 3 ЧАСА.

У женщины на фотографии были усталые глаза и короткая стрижка. Рядом мальчик, семь лет, смотрел в камеру серьёзно, без улыбки.

Хайден смотрел на эти два лица дольше, чем позволял себе обычно при получении подобных приказов, отмечая детали, которые прежде старался не замечать намеренно: складку между бровей женщины, выдающую многолетнюю привычку к беспокойству; серьёзность мальчика, слишком взрослую для семилетнего возраста, будто он уже успел усвоить, что улыбка перед камерой системы не приветствуется и не поощряется никакими видимыми преимуществами.

— Уточните основание, — сказал Хайден. — Формулировка «статистический дисбаланс».

— Сектор 4 превышает норму потребления ресурсов на 3.2 процента, — ответил голос без паузы. — Объект определён алгоритмом как единица с наименьшим прогнозируемым вкладом. Решение утверждено. Время пошло.

— Мужчина семьдесят один год, — сказал Хайден, сам не зная, зачем произносит это вслух, кроме смутного желания хоть немного замедлить неумолимый ход событий. — Женщина работает в производственном цикле, судя по личному делу, четырнадцать лет без нарушений. Ребёнок не подлежит трудовой оценке ещё минимум шесть лет согласно регламенту.

— Данные учтены при расчёте алгоритма, — ответил голос тем же ровным тоном, в котором не было ни малейшего признака того, что вопрос вообще был воспринят как нечто большее, чем формальность, требующая отклика. — Решение утверждено. Требуется исполнение в течение трёх часов согласно протоколу оперативности.

Хайден дёрнул перчатку до конца, схватил планшет и вышел из кабинета почти бегом.

Патрульный транспорт довёз его до границы Сектора 4 за одиннадцать минут, и всю дорогу напарник, молодой офицер по имени Феррис, недавно переведённый в их отделение, болтал о чём-то постороннем, о новой системе распределения боеприпасов, введённой на прошлой неделе, о том, что паёк офицеров Правопорядка снова слегка урезали в рамках общей экономии ресурсов.

— Ты в порядке? — спросил Феррис, наконец заметив, что Хайден отвечает односложно, глядя в окно на проносящиеся мимо серые стены. — Обычная зачистка же. Мы делаем это раз в неделю почти.

— В порядке, — сказал Хайден, не отрывая взгляда от окна. — Просто устал.

Феррис пожал плечами и замолчал, погружившись в собственные мысли, а Хайден подумал о том, что три года назад ответил бы точно так же на подобный вопрос, искренне не понимая, что вообще могло бы вызвать иную реакцию на приказ, который система формулировала так буднично, так обыденно, словно речь шла о плановом техническом обслуживании, а не о человеческих жизнях.

Транспорт остановился у блока двенадцать. Хайден вышел первым.

— Жди здесь, — сказал он Феррису. — Одиночное исполнение, три объекта не требуют второго офицера согласно протоколу минимальной нагрузки.

Феррис кивнул, явно не возражая против возможности остаться в тепле транспорта, и Хайден пошёл к входу в блок один, чувствуя, как каждый шаг по знакомому, серому коридору отдаётся в груди чем-то тяжелее обычного.

Блок двенадцать ничем не отличался от десятков подобных жилых блоков, разбросанных по Сектору 4: узкие коридоры, освещённые тусклыми аварийными лампами, двери квартир, пронумерованные, но лишённые каких-либо иных отличительных признаков, будто единообразие само по себе было частью протокола управления. На третьем уровне, где располагалась нужная ему квартира, Хайден миновал женщину, развешивающую бельё на верёвке, натянутой прямо в коридоре, поскольку отдельных помещений для подобных нужд блок не предусматривал, и старика, сидевшего на корточках у стены, чинившего обувь инструментом настолько древним, что Хайден не смог бы назвать его назначение, если бы не наблюдал прежде подобные сцены десятки раз.

Никто из них не поднял взгляда на форму, проходящую мимо. Присутствие Правопорядка в жилых блоках было настолько привычным, настолько вплетённым в ткань повседневности, что вызывало не тревогу, а скорее то особое, притуплённое безразличие, с каким люди относятся к погоде: неизбежное явление, на которое нельзя повлиять, а потому не стоит тратить эмоции на реакцию.

Хайден остановился у двери с номером двенадцать, чувствуя, как внутри у него нарастает то самое напряжение, что предшествовало каждому подобному исполнению, но в этот раз к привычному напряжению примешивалось нечто новое, тревожное, чему он пока не мог подобрать точного названия.

Дверь квартиры номер двенадцать открылась после первого же стука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.